

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА Н. М. ЯЗЫКОВА

Обзор М. Азадовского

I

Среди поэтов пушкинского окружения Языков является наименее исследованным и изученным. Дореволюционная историография не оставила нам ни полного критического издания его стихотворений, ни исследовательски выполненной биографии, ни какого-либо монографического исследования.

Господствующая в истории литературы либеральная историко-культурная школа точно не знала, что делать с этим не укладывающимся в обычные рамки поэтом. Единственная же монография научного типа, посвященная Языкову, вышла уже из откровенно реакционной среды и была настолько беспомощна методологически, настолько элементарно безграмотна с филологической точки зрения, что ее просто никак не приходится принимать всерьез¹.

Только в начале XX в. появляется более глубокий интерес к Языкову. Этот интерес стоит в тесной связи с общим процессом предпринятой символистами литературной реставрации стародворянской культуры. Вожди символистов выступают не только пропагандистами старых поэтов, но и исследователями, биографами, редакторами текстов. Брюсов изучает Пушкина и Баратынского, издает Тютчева, Каролину Павлову. Блок—Аполлона Григорьева. Интерес к Языкову—в этом же общем процессе, но в ином плане. Если культ Баратынского или Тютчева знаменует собою некие вершинные пункты символизма, то с именем Языкова связывается процесс его кризиса и распада. К Языкову тянулась поэтическая молодежь, стремящаяся выбиться из становящихся уже тесными канонов символистской поэтики. Исследователями и апологетами Языкова становятся С. Бобров, В. Шершеневич, Н. Асеев—будущие деятели имажинизма и футуризма.

Но, в сущности, в своей борьбе против символизма они все же составляли только один из участков фронта буржуазной литературы — и притом далеко не передовой. Их поэзия была выражением настроений деклассирующейся буржуазной интеллигенции, — отсюда их формальное бунтарство, божественные настроения, равнодушие, а порой и прямая враждебность к общественным вопросам. Поэтому вполне понятно, что вовлеченные в общий процесс реставрации старой дворянской культуры они тянулись не к холодному мастерству Каролины Павловой, не к философской поэзии Баратынского, культ которых вводил и учреждал метр символизма—Брюсов, но к стремительной и божественной лирике Языкова.

С. Бобров восторгается „дифирамбической константой“ песен Языкова, он считает его „декадансом пушкинской школы“, в которой дошли до крайних ее пределов все ее достоинства и недостатки. „Его широкий дух, — пишет С. Бобров, — раздвигал, разламывал, разбрасывал рамки современного стихотворчества“. В. Шершеневич особенно подчеркивает „самобытность“ Языкова: „Языков стал самобытен, как может быть самобытен только русский поэт, совершенно игнорирующий все законы и предписания теории поэзии, кроме закона новизны и силы“. Учеником Языкова объявляет себя и Н. Асеев².

С этого времени Языков начинает вновь входить в русскую литературу и в историко-литературную науку. В. Шершеневич издает томик избранной лирики Языкова (1916 г.) с боевым предисловием, направленным как против символизма, так и против тех, кто требовал от поэзии определенного символа веры³. Оживляются и академические,

историко-литературные изучения Языкова. Академия Наук приступает к изданию огромного архивного наследия Языкова, в издательстве „Мусагет“ готовится книга „Неизданных стихов“ Языкова, намечается полсе академического его издание и т. д. В силу целого ряда внешних причин эти начинания оборвались, и имя Языкова встает вновь только теперь, в связи с общей проблемой культурного наследия, в свете тех требований, которые ставит новая обстановка перед историко-литературной наукой. Это заставляет поставить и вопрос о степени изученности Языкова: в первую очередь, вопрос о состоянии его текстологии и эпистолярного наследия.

II

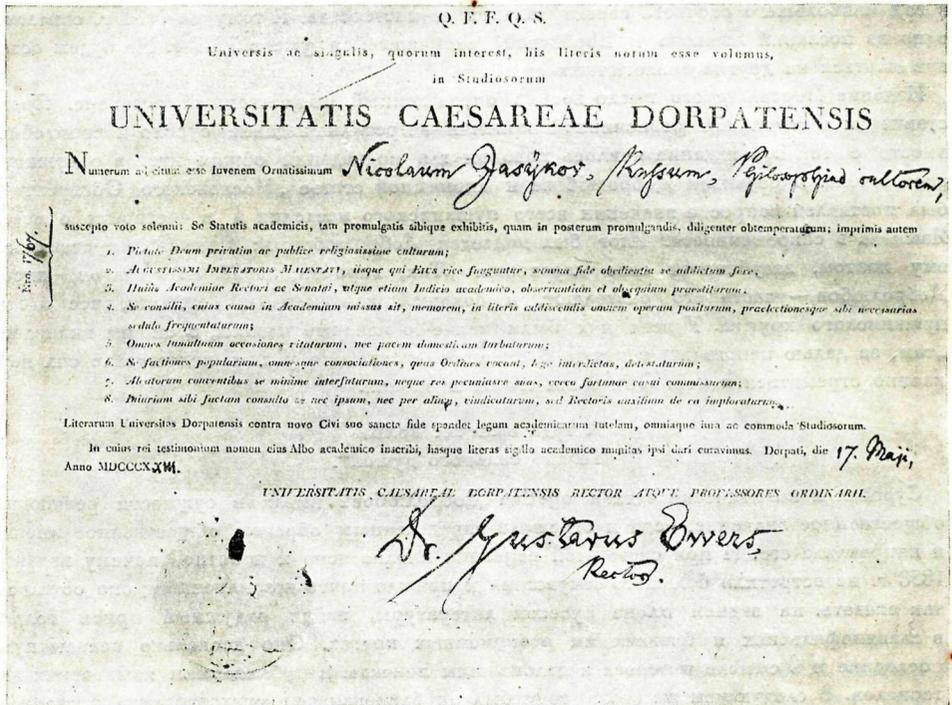
Внешняя история языковских текстов сводится к очень немногим моментам. При жизни поэта вышли три издания—три книжки стихотворений: 1833, 1844 и 1845 гг.⁴ Так как издание 1844 г. носило несколько случайный характер и почти целиком вошло в издание 1845 г., то можно говорить о прижизненном фонде всего из двух книг. Эти книги конечно не охватывали всецело наследия поэта. После смерти Языкова появилось несколько неопубликованных стихотворений в различных славянофильских органах, но затем интерес к нему быстро замирает, и только почти через 15 лет имя Языкова вновь привлекает к себе внимание общества в связи с первым собранием его стихотворений, вышедшим в 1858 г. под редакцией одного из славянофильских деятелей—проф. Перевлесского⁵.

Издание Перевлесского было задумано и выполнено как издание критическое, научного типа. Редактор произвел большую работу по обследованию старых журналов и альманахов, извлек оттуда ряд пьес, не входивших в прижизненные издания Языкова, ввел ряд новых материалов из рукописного наследия и привлек довольно значительный материал для уяснения творчества Языкова и отношения к нему современников. Кроме вступительной статьи о поэзии Языкова, принадлежавшей самому редактору, Перевлесский перепечатал ряд критических отзывов о поэте, перепечатал ряд посвященных ему стихотворений и в примечаниях привел разночтения. Однако за этой внешне научной и аккуратной работой скрывалась большая неряшливость и небрежность. Современная цеховая критика отнеслась к изданию очень сочувственно, весьма преувеличивая его значение и качество его работы и только вскользь отмечая те или иные дефекты. Это была по преимуществу с о я критика, для которой издание Перевлесского было своего рода партийным делом и которой естественно было невыгодно чрезмерно останавливаться на ошибках и промахах редактора. Другой характер носила критика из противоположного политического лагеря, проявившая гораздо большую зоркость и остроту. Отчетливее всего это сказалось в рецензии Добролюбова, который обнаружил здесь не только большое политическое, но и специфическое историко-литературное чутье. „Языков—тоже славянофил в своем роде,—писал он в рецензии „Современника“,—и вот почему несколько не удивительно, что г. Перевлесский, издавший уже славянскую грамматику и хрестоматию (в которую, впрочем, не попал Языков), издает, между прочим, и Языкова. Стихотворения этого „певца вина и страсти нежной“ до того нравятся Перевлесскому, что он, не довольствуясь одним разом, считает нужным для удовольствия читателей напечатать некоторые из них два раза в одной книжке. Так напр., в 1-й части на стр. 4 напечатаны три элегии, а на стр. 94—95 той же части—те же элегии, только уже каждая порознь. На стр. 96 1-й части—послание Т-ву, а на стр. 296 2-й части—то же послание с заглавием „Татарину“. Из этого видно, что желание некоторого библиографа, чтобы все русские поэты изданы были так же тщательно, как теперь Языков, не совсем справедливо“⁶. К этому перечню ошибок можно добавить еще ряд аналогичных. Дважды опубликована пьеса „Аделаиде“ (т. I, стр. 65: под заглавием „Аделаиде“ и там же, стр. 136: „А—е“), включена пьеса, принадлежащая Вронченко (т. I, стр. 39: „Уж я не то, что был“), и т. д.

Перевлесский при работе над изданием пользовался указаниями и материалами еще бывшего тогда в живых брата поэта Александра Михайловича Языкова, в распоряжении которого находился и весь архив поэта, однако, несмотря на это, издание было очень далеком от полноты. В частности, в нем еще не нашли места и знаменитые полемич-

ские послания Языкова, что конечно вполне понятно. В конце 50-х годов эти послания еще не могли быть приняты только в историческом плане и сразу сделали бы издание односторонним для очень широких кругов читателей. Но и помимо этого многое, что было найдено позже в языковских архивах, также почему-то не было передано редактору (или не было им обнаружено).

Недостаточно внимательно обследовал Перевлесский старые журналы и альманахи. Обследование альманахов в 50-х годах конечно было делом трудным; ошибки и пропуски в этой области вполне естественны и понятны, но Перевлесский оставил без внимания и ряд журналов из числа самых близких поэту, в которых тот был постоянным сотрудником, как например „Славянин“ Воейкова, „Европеец“ Ив. Киреевского

СТУДЕНЧЕСКИЙ ДИПЛОМ Н. М. ЯЗЫКОВА

Институт Русской Литературы, Ленинград

и др.; даже „Москвитиня“, ближайший Языкову журнал в последние годы его жизни, был просмотрен не целиком, что и повело к ряду пропусков, восстановленных только позднейшими изданиями.

Материал в издании Перевлесского был распределен в хронологическом порядке, но приурочение стихотворений к определенным датам было крайне неудовлетворительно. Нужно попутно заметить, что вопрос о хронологии языковских пьес вообще чрезвычайно труден и сложен. Прежде всего он запутан самим Языковым. Большинство его пьес сопровождается указанием на дату и место написания: „Дерпт 1824 г.“, „Елань 1835 г.“, „Ганау. Золотой Сарай, 1839 г.“, „Ница. Предместье мраморного креста, 1839 г.“ и т. д. Очевидно, по замыслу Языкова, это должно было вместе с заглавием составлять единое целое. Но внимательная проверка этих обозначений обнаруживает, что в значительном числе случаев они неправильны. Имела ли здесь место простая ошибка памяти или некоторое сознательное нарушение истины (как например бывало у Гоголя)—сказать конечно трудно, но для редактора каждый раз при датировке той или иной пьесы возникает большая трудность. Вполне понятно, что в 50-х годах этого вопроса еще не могло существовать, доверие редактора к обозначениям самого поэта

вполне понятно и законно, но плохо было то, что для редактора вообще не существовало проблемы датировки. Если не было даты под пьесой, он датировал ее годом опубликования, что приводило не только к простым ошибкам, но даже порой к курьезам и нелепостям. Так например, „Послание к Пушкину“ („Не вовсе чужа бога света“) помещено под 1837 г. только потому, что было опубликовано в этом же году в „Современнике“, хотя эта книжка составлялась и вышла уже после смерти Пушкина (да и само собой очевидно, что такого рода послание не могло быть адресовано к Пушкину в последний год его жизни). Самое первое печатное выступление Языкова „Послание к Кулибину“, опубликованное в „Трудах Вольного Общества российской словесности за 1819 г.“ и перепечатанное в 1831 г. в „Невском Альманахе“, отнесено к последнему году, хотя также совершенно очевидно, что так Языков не мог уже писать в 1831 г.— в год наибольшего расцвета своего таланта и мастерства. К тому же 1831 г. отнесено одно из посланий Языкова к Воейковой, скончавшейся уже в 1829 г. Не будем останавливаться на других аналогичных ошибках.

Издание Перевалеского имело весьма определенный общественный резонанс. Представители радикальной разночинной критики встретили издание сурово и враждебно; вместе с тем это издание явилось поводом для подведения общих итогов о пушкинской школе. В рецензии Добролюбова и анонимной статье „Московского Обозрения“⁷ был поставлен вопрос о значении всего пушкинского наследия и в частности о месте Языкова в современности. Итог был подведен Добролюбовым: Языков представлялся ему поэтом, загубившим свое дарование. „Так, впрочем, погиб не один он,—писал Добролюбов,—участь его разделяют, в большей или меньшей степени, все поэты пушкинского кружка. У всех них были какие-то неясные идеалы, всем им виднелась „там, за далью непогоды“ какая-то блаженная страна. Но у них недоставало сил неуклонно стремиться к ней. Они были слабы и робки...

А туда выносят волны
Только сильного душой“.

Суровая и политически четкая оценка Добролюбова имела в сущности решающее общественное значение,—она и отражала определенным образом общественное мнение и направляла его. И при свете этой рецензии вполне ясно и понятно, почему издание 1858 г. не встретило большого сочувствия и прошло почти незамеченным; оно осталось, так сказать, на заднем плане русской литературы, найдя радушный прием только в славянофильских и близких им реакционных кругах. Оно несколько всколыхнуло последние и в смысле интереса к дальнейшим поискам и публикациям языковских материалов. В следующем же (1859) году был опубликован ряд стихотворений в славянофильском журнале „Русская Беседа“, издававшемся Кошелевым; в альманахе „Утро“ была помещена стихотворная повесть „Липы“, запрещенная при жизни Языкова цензурой; ряд стихотворений был опубликован в издававшейся одно время еженедельной газете Ив. Аксакова „Парус“, но эти публикации в общем были малозначительны и мало прибавляли нового к известному уже облику поэта⁸.

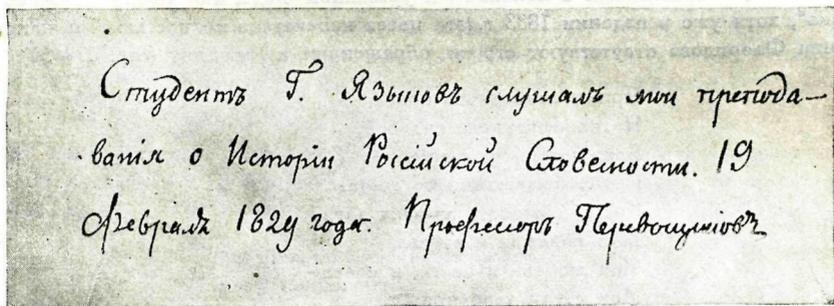
Наиболее крупным приобретением языковской текстологии явилась публикация М. И. Семевского (1866—1867). Интерес к Языкову у последнего вырос в сущности не непосредственно и до некоторой степени случайно: на почве интереса к Пушкину. В этих целях Семевский предпринял поездку в Тригорское, где тогда еще был жив сам владетель его, приятель Пушкина и Языкова; воспетый ими Алексей Николаевич Вульф. Но оказалось, что поездка в Тригорское дала гораздо больше материалов об Языкове. Вульф передал Семевскому письма к нему Языкова, послания к нему и его матери, ряд автографов и списков, кроме того в распоряжении М. И. Семевского был рукописный сборник стихотворений Языкова. Сюда рукою А. Н. Вульфа и его матери, П. А. Осиповой, еще при жизни Языкова внесено 72 стихотворения (рукопись в 4-ку, 134 стр. с общим эпиграфом: „Идеже дух господень, ту свобода“) ⁹.

Из этих 72 пьес сборника 20 не появлялись ни разу в печати, остальные давали большое количество разночтений. Полученные материалы—не всегда исправно и далеко не полностью—Семевский опубликовал сначала в виде фельетона в „Санкт-Петербургских

Ведомостях“ (1866), а затем специальной статьей в „Русском Архиве“ (1867)¹⁰. В первый вошли главным образом письма и семь небольших отрывков; во вторую—тексты. Правда, не все из опубликованного М. И. Семевским действительно впервые появилось в печати: кое-что еще было напечатано самим Языковым в различных журналах и альманахах, но таких специальных розысков не делалось, Семевский же, естественно, исходил из текста издания Перевлесского и считал неизданным все, что отсутствовало в последнем. Для современных же читателей все эти сообщенные Семевским стихотворения представлялись конечно новыми. Семевский опубликовал впервые пьесу „Клятвенное обещание“—пародия на присягу; два послания к Шепелеву („Ты, мой приятель задушевный“ и „Счастлива, кому дала природа“), ряд посланий к П. А. Осиповой, к А. М. Языкову („Теперь, когда пророчесственный дар“) и др. В этой же статье появилось и знаменитое послание к Пушкину:

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы...

Но эта богатая публикация надолго оставалась единственным полным собранием такого рода, в дальнейшем в печать проскальзывали только небольшие отдельные заметки случайного типа. Так например, в „Русском Архиве“ (1871) было опубликовано два

СПРАВКА, ВЫДАННАЯ ПРОФЕССОРОМ ПЕРЕВОЩИКОВЫМ Н. М. ЯЗЫКОВУ
О ПРОСЛУШАНИИ ИМ КУРСА УНИВЕРСИТЕТСКИХ ЛЕКЦИЙ

Институт Русской Литературы, Ленинград

стихотворения дерптским товарищем Языкова В. М. Княжевичем¹¹: одно из них, посвященное автору публикации, появилось в печати впервые, другое — лишь восстанавливало забытый текст из старого „Благонамеренного“; в „Русской Старине“ сын Ивана Киреевского напечатал послание Языкова к его отцу, записанное в альбом последнего¹²; из той же среды Киреевских вышла публикация стихов Языкова, посвященных М. В. Киреевской во время совместного пешеходного путешествия из Москвы в Лавру (летом 1830 г.), и пр. Наиболее интересными и исторически ценными явились публикации знаменитых полемических посланий Языкова. Первым появилось „Послание к Чаадаеву“, внесенное Жихаревым в текст биографии Чаадаева¹³, затем вторично оно появилось в „Русском Архиве“ (1875) со следующей припиской редактора: „Прошло более 30 лет с тех пор, как написаны эти стихи, и от борьбы, их вызвавшей, не осталось ныне никаких личных следов, почему они и становятся достоянием словесной истории“¹⁴. Текст „Послания к Чаадаеву“ Баргенов опубликовал по списку (или автографу), сообщенному А. М. Языковым¹⁵.

Но вообще нужно отметить, что семья Языковых в 60—70-х годах очень неохотно соглашалась на опубликование полемических посланий, не без основания считая, что это может окончательно оттолкнуть от поэта современных читателей. Ода „К не нашим“ впервые появилась также в упомянутой статье Жихарева и потом вторично была опубликована в 1879 г. Баргеновым по списку Н. Ф. Эмина¹⁶; послание „К Константину Аксакову“ увидело свет уже только в 90-х годах в одном из томов огромной барсуковской биографии Погодина¹⁷.

Сводки же воедино всех этих разбросанных по разным изданиям материалов никем не предпринималось. Лишь в 1898 г., т. е. через 40 лет после издания Перевлесского, появилось новое полное издание стихотворений Языкова,—на этот раз в очень скромном виде, в известной суворинской серии „Дешевая библиотека“, под скромным названием „Стихотворения Н. М. Языкова“. Выполнено это издание было под редакцией А. А. Флоридова, но имя редактора (как это вообще было принято в этой серии) нигде не названо и не указано¹⁸.

По сравнению с изданием Перевлесского издание Флоридова представляло шаг вперед только разве в смысле полноты, но совершенно полным оно также не могло быть названо, как не могло быть названо и критическим. В заслугу редактору следует поставить более тщательную проверку хронологии, при чем он не побоялся прямых и заведомых расхождений с обозначениями самого поэта. Однако например „Послание к Пушкину“ и у него датировано 1837 г. Что же касается текстологических принципов редактора, то они не совсем понятны и убедительны. Иногда он пользовался текстом отдельного издания, иногда текстом первой журнальной редакции, но чем обусловлен в каждом отдельном случае его выбор—судить довольно трудно. Является подозрение, что в ряде случаев им руководили чисто субъективные соображения эстетического характера, что по большей части и приводило к крупнейшим ошибкам. Самый яркий пример—текст „Тригорского“, напечатанный в неполном и урезанном виде, по тексту „Московского Вестника“, хотя уже в издании 1833 г. эта пьеса напечатана полностью. Так например, в издании Флоридова отсутствуют строки, обращенные к Пушкину (стр. 47—54):

Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой,
Благоговею пред тобой—
И дар божественного света,
Краса и радость лучших лет,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь, и слава—
Мои стихи тебе привет.

В следующем абзаце искажен конец:

Когда душе не утомленной
Житейских бременем трудов,
Доступен жертвенник священной
Богинь кастальских берегов,
Когда родимая природа
Ее лелеет и хранит
И ей, роскошная, дарит
Все, чем возвышенна свобода.

Строки, набранные у нас разрядкой, в тексте суворинского издания отсутствуют. Искражен пропуском замечательный абзац в этой же поэме, посвященный описанию грозы:

- 196: Уже безмолвие лесное
Налетом ветра смущено;
Уже немирно и темно
Реки течение ночное;
- 200: Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,—
Как парус, в воздухе дрожащий,
Почти упущенный пловцом,
Когда внезапно буря встанет,
Покатит мутные струи,
Рванет крыло его ладьи
И над пучиную растянет.

Ст. 200—207 у Флоридова отсутствуют. Упущено также и начало последнего абзаца (стр. 234—238):

Как сладко узнику младому,
Покинув тьму и груз цепей,
Взглянуть на день, на блеск зыбей,
Пройти по берегу луговому,
Упиться воздухом полей.

В результате эта—одна из лучших, а может быть и самая лучшая—пьеса Языкова опубликована в совершенно искаженном виде.

В распоряжении Флоридова был уже и некоторый архивный фонд, как материалы Публичной Библиотеки, однако он ими совершенно не воспользовался и не произвел никакой, хотя бы самой минимальной, проверки печатных текстов, вследствие чего был узаконен ряд ошибок прежних публикаций. Очень любопытный пример в послании к А. Н. Вульффу („Помнишь ли, мой друг застойной“); стихи 33—39 у Суворина (так же, как и в издании 1833 г.) читаются так:

И порой, как в мой приют
Загулявшие други
Ненароком забредут—
Молодцов любезных шайка
Станет в круг, середь двора:
Нашу праздность тешит свайка...
Право, славная игра.

Между тем в автографе, который во время работы Флоридова над языковскими текстами уже находился в Публичной Библиотеке, последние два стиха читаются следующим образом:

Нашу праздность тешит свайка,
Православная игра.

В некоторых случаях редактор заметно выправлял Языкова, устраняя то, что ему казалось неправильностью или отклонением от каких-то норм. Например в поэме „Улада“ стих:

Но кто, певец, любви не воспевал

исправлен на

Какой певец любви не воспевал.

Исчезали некоторые характерные для Языкова неологизмы: так в „Баян к русскому воину“ вместо: „врагов тьмочисленные рати“ читаем:

Врагов бесчисленные рати.

Число таких примеров можно значительно умножить.

Но при всех своих дефектах это издание все же явилось единственным, которое могло бы уже служить основой для дальнейшей работы. Его появление значительно оживило и языковские изучения, и, главное, архивное собрание.

Языковиана этой эпохи начинается с 1901 г., когда в „Новом Времени“ было опубликовано письмо некоего Юкельсона о принадлежащем ему большом собрании материалов, связанных с Языковым. Позволим себе привести пространную выдержку из этого письма: „Гости несколько времени назад в деревне Колоды, Гдовского уезда, Петербургской губ., я получил от владелицы этой деревни, вдовы контр-адмирала М. А. Сарычевой, сверток бумаг. При осмотре свертка я заметил много стихотворений, несомненно автографов: Языкова, Жуковского, Козлова, Судовщикова, графа В. Соллогуба и др. Относительно стихотворений Н. Языкова (их свыше тридцати) можно а priori сказать, что большая часть их еще не была напечатана, так как многие из них обращены к А. С. Дириной и ее дочери М. Н. Дириной (бабушке и матери г-жи Сарычевой

вой), впоследствии жене дерптского профессора славянского права фон Рейц, в семье которого Жуковский и Языков были своими людьми, а граф Соллогуб жил пансионером. Послания Языкова к А. С. Дириной и ее дочери М. Н. Дириной носят по большей части шуточный характер и несомненно представляют большой интерес как характеристика далеко не блестящего материального положения, в котором вечно находился беспечный студент-поэт. Очень любопытны две поэмы Языкова, посвященные той же М. Н. Дириной, к которой, судя по нескольким стихотворениям, поэт был неравнодушен. Они носят такое заглавие: „Мой апокалипсис. Издание второе, исправленное и примечаниями умноженное. 1825 г. Дерпт“, с эпиграфом из Lafontain'a и 2) с таким курьезным заглавием: „Путешествие на чухонской паре из Дерпта в Ревель, в стихах лирико-романтических, а также всего разнообразных. Сочинил пребывающий у Дерптских муз, но намеревающийся со временем водить их самих за нос, Негуляй Языков, а примечаниями дополнил Дилитант Петербургского Парнасса Велиглав Кузино, Reval 1823“. Среди остальных автографов Языкова много элегий, посланий к друзьям и других стихотворений. Все это несомненно писано собственноручно поэтом и имеет даже точные даты годов (с 1823 по 1826 включительно), месяцев и чисел“ и т. д.¹⁹

М. Н. Дирина была одной из ближайших дерптских знакомых Языкова. В 20-х годах (годы студенчества Языкова) она жила вместе с матерью и братом в Дерпте, и их дом, наряду с домом Мойеров, был одним из центров, где собиралась русская молодежь. В хорошенькую Марию Дирину были влюблены многие из языковского кружка, и сам Языков, слегка прикидываясь влюбленным, писал ей неоднократно послания, мадригалы, вписывал в ее альбом свои стихи, посвящал ей поэмы и пр. Таким образом понятно, какой огромный интерес должны были представлять бумаги М. Н. Дириной.

Материалы, о которых сообщил Юкельсон, вскоре же были приобретены Публичной Библиотекой: в отчете за 1902 г. дано полное описание их. Однако оказалось приобретенным не все, о чем сообщал владелец. В частности отсутствует автограф (или список) „Путешествия в Ревель“. Эти материалы были опубликованы И. А. Бычковым: сначала в 1903 г. в „Русской Старине“ несколько стихотворных записок к А. С. Дириной, элегия „О деньги, деньги“, стихотворение „Зима пришла“, к ним же редактор присоединил и несколько писем Языкова из архивных собраний Рукописного отделения (к Вульффу, Очкину и Пушкину). Более богатой была вторая публикация в „Известиях Отделения русского языка и словесности Академии Наук“ (1911), где были даны остальные материалы, переданные Юкельсоном. Здесь был опубликован ряд студенческих песен, упомянутая в письме Юкельсона поэма „Мой апокалипсис“, пьеса „Вторая присяга“, написанная под впечатлением присяги Николаю после бывшей уже присяги Константину, и др.²⁰

Но этими бумагами не ограничивалось языковское богатство, находившееся в семье Сарычевых. Кроме серии бумаг, переданных Юкельсону (в том числе был и один альбом), у Сарычевых находился еще ряд альбомов М. Н. Дириной с большим количеством автографов и списков пьес Языкова. Эти альбомы оставались совершенно неизвестными, и только в 1910 г. при работе над подготовкой к печати писем Языкова их обследовал и частично опубликовал проф. Е. В. Петухов. Е. В. Петухов дал в своем издании писем (о котором еще неоднократно будет речь ниже) подробнейшее описание всех альбомов. К сожалению он не воспроизвел всех пьес Языкова, находящихся в этих альбомах, а ограничился только воспроизведением стихотворений, не бывших до того времени в печати. Однако в числе последних оказалась почему-то и пьеса „Завещание“ („Когда умру, смиренно совершите“), хотя последняя является только разночтением, но отнюдь не новым текстом. Текст ее опубликован в издании 1833 г. под заглавием „Песня“. Очевидно редактор ввел в заблуждение заглавие.

Конечно приходится весьма сожалеть и досадовать, что редактором не были хотя бы указаны все разночтения, — судьба этих альбомов в настоящее время неизвестна; возможно, что они погибли. Таким образом утрачен исключительный по ценности материал для истории текста. Очень вероятно, что редактором и не производилась сверка текста и он просто механически отметил (ограничившись голой регистрацией) то, что было помещено в издании Суворина. Это привело между прочим к исключительно крупной

Н. М. ЯЗЫКОВ
Портрет неизвестного художника
Институт Русской Литературы, Ленинград

и грубой ошибке. Е. В. Петухов в своем описании сообщает о вложенных в альбомы нескольких стихотворениях Языкова, писанных им самим или другими лицами на отдельных листах. В числе этих стихотворений имеется список пьесы „Извинение. 20 декабря 1825 г.“ Редактор дает ссылку на издание Суворина (т. II, стр. 157) и этим ограничивается. В суворинском же издании текст перепечатан из названной выше статьи Семевского, который опубликовал его не в полном виде. Свою публикацию Семевский сопроводил следующей заметкой:

„Альбомные стихи, которыми Языков не мало платил дань современной моде, не все и не всегда гласили у него о любви. Некоторые из них, напротив, выражают мысли и чувства поэта по поводу различных жизненных вопросов. Перед нами, напр., в е с ь м а замечательное рукописное его стихотворение „Извинение“, написанное им в альбом М. Н. Дириной „20 декабря 1825 г.“ К сожалению, мы можем привести только начало стихотворения:

Я не исполнил обещанья:
 Не все и плохо написал;
 Но я прекрасного желал,
 Но я имею оправданья
 Во глубине моей души.
 Они довольно хороши:
 Я жажду славы и свободы.
 Но что пророчат мне мечты?
 — Предвижу царство пустоты
 И прозаические годы—...

Содержание отрывка, многозначительная дата: д е к а б р ь 1825 г., невозможность его полной публикации совершенно отчетливо свидетельствуют о политическом характере этого стихотворения. Политическая лирика молодого Языкова так мало известна, что нельзя не посетовать на совершенно непростительную небрежность редактора, вследствие которой теперь затерялся — может быть уже навсегда — один из интереснейших памятников языковской лирики.

Другим гнездом языковских текстов является альбом Светланы—Александры Андреевны Воейковой. Культ Воейковой в стихах Языкова известен достаточно. Биографы наперебой говорят об исключительном увлечении поэта Воейковой, его глубокой любви к ней и проч. Так например, А. С. Поляков пишет: „Почти весь дерптский, самый продуктивный, период творчества Н. М. Языкова прошел под огромным влиянием Воейковой. Ради нее разгульный молодой поэт просиживал дни и ночи за стихами, посвящая „божественной“ свои элегии, послания, повести, которые потом тщательно переписывал для „Светланы“ и которые мы теперь можем читать в подлинниках в ее альбомах и видеть среди ее бумаг. Н. М. Языков был очарован Воейковой: „и все было в ней прекрасно, и тайна в ней великая жила“. Как поэт он создан был для „Светланы“, она ему „песни первые внушила и светлый указала путь“. Всю свою жизнь Языков не мог забыть

Огонь ее приветливого взора,
 И на челе избыток стройных дум,
 И сладкий звук речей, и светлый ум
 В лилющемся кристале разговора.

(Н. В. Соловьев. „История одной жизни“.)

Во всем этом несомненное преувеличение и биографизирование литературных фактов. Переписка поэта, некоторые воспоминания заставляют иначе расценивать этот момент в биографии поэта. Скорее всего это было чисто головное увлечение, литературная влюбленность, создание поэтического образа, как бы объединяющего жизнь и поэзию, но тем значительнее ее роль в истории его творчества, и альбомы Воейковой несомненно имеют огромное значение для языковской текстологии. Так же, как и Дириной, Языков очень много писал и для нее, и ради нее, и также неоднократно пере-

писывал в ее альбомы свои стихи, написанные по другим поводам, и наконец она сама неоднократно (так же, как и М. Н. Дирина) вписывала в свои альбомы его стихи. Помимо романтики здесь была и некоторая практическая сторона, так как Воейкова являлась, в известной степени, агентом своего мужа А. Ф. Воейкова и усердно вербовала для его изданий стихи Языкова. И за этот период очень значительное количество стихов Языкова появилось в журналах Воейкова.

Альбом Воейковой был опубликован в 1915 г. и тогда же вышел отдельно как вторая часть монографии Н. В. Соловьева („Бумаги А. А. Воейковой“)²¹. В настоящее время этот альбом находится в Рукописном отделении Института Русской Литературы Академии Наук. Сопоставление текста альбома с печатным его воспроизведением обнаруживает некоторые ошибки в последнем, но не слишком значительные и существенные: кое-что должно несомненно отнести за счет опечаток. В основном же издание А. С. Полякова выполнено весьма добросовестно и четко. Из текстов альбома наибольший интерес представляли: автограф „Новгородской песни“, печатавшийся обычно с теми искажениями, которые внес Булгарин при печатании пьесы в „Северной Пчеле“ (без ведома Языкова) и которые остались неисправленными в издании 1833 г. *, и автограф поэмы „Ала“, до того времени известной только в отрывке. Остальное — „Воейковская лирика“, мало что прибавлявшая к известному облику поэта.

Альбом Воейковой, описанный А. С. Поляковым, конечно не являлся единственным. Вероятно имелись и другие, оставшиеся и остающиеся нам неизвестными; по крайней мере в Рукописном отделении ИРЛИ хранится еще небольшой альбомчик, принадлежавший А. А. Воейковой, в котором находится автографическая запись одной из студенческих песен Языкова.

Но самым главным и основным фондом для изучения является языковский архив, хранящийся в ИРЛИ. Ниже мы подробнее остановимся на нем, пока же только отметим, что в настоящем своем виде он состоит из двух источников: бумаги А. М. Языкова, находившиеся до осени 1931 г. в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук, в которых имеется огромная переписка поэта — письма его и к нему, различные личные документы, ряд автографов и списков стихотворений, в том числе тетрадь списков, очевидно подбиравшаяся при подготовке Языковым издания 1833 г. В текстологическом отношении первостепенное значение имеют письма Языкова к родным, главным образом к брату Александру Михайловичу, которые заключают большое количество стихотворений. Языков все время держит брата в курсе своих литературных работ, сообщая ему о своих планах и замыслах, ему же первому сообщал он и посылал на отзыв законченные свои вещи. Иногда эти стихотворения прилагались на отдельных листках, иногда включались в текст письма и благодаря этому почти все сохранились. Автографы же стихотворений, прилагавшихся на отдельных листках, в подавляющем большинстве случаев до нас уже не дошли.

Для текстологии Языкова представляют интерес и письма его брата к родным и друзьям, например к В. Д. Комовскому, так как в них он также очень часто сообщает тексты каких-либо новых пьес брата.

Другая часть этого архива — бумаги Д. Н. Садовникова, приобретенные покойным академиком Н. А. Котляревским для Пушкинского Дома. Известный волжский поэт и фольклорист-сборитель Д. Н. Садовников был одним из первых биографов поэта. Весь тот архив А. М. Языкова, который хранился в Рукописном отделении Библио-

* 2-я строфа в изд. 1833 г. и всех последующих читается:

Не так ли, о други! К отчизне любовь,
Краса благородного сердца,
На битве за славу и честь
Смела, и сильна, и победна?

В автографе альбома Воейковой:

Не так ли, о други, к отчизне любовь,
Краса благородного сердца,
На битве за вольность и честь
Смела и сильна и победна!

теки Академии Наук, находился долгое время в его распоряжении, кое-что он собрал и сам, получил некоторые воспоминания об Языкове и т. д. По его просьбе например написал свои воспоминания об Языкове университетский товарищ и земляк поэта А. Н. Татаринов. Смерть оборвала работу Садовникова, как ранее оборвала аналогичную работу Ф. В. Чижова (и как, добавим попутно, оборвала позже работу А. С. Полякова), а при жизни он успел опубликовать только письма Пушкина к Языкову.

После смерти Садовникова бумаги вернулись обратно в семью, но видимо не целиком. По крайней мере в бумагах садовниковского архива кроме ряда копий сохранилось и большое количество подлинных материалов как из эпистолярного, так и из поэтического наследия Языкова. В частности, наряду с отдельными автографическими списками, сохранился и альбом А. М. Языкова, состоящий всецело из стихов его брата. Большой частью они переписаны рукой владельца альбома, но там же находится и ряд пьес, записанных самим поэтом.

В 1913 г. вышел в свет первый выпуск предпринятого Академией Наук издания языковского архива под ред. проф. Е. В. Петухова, посвященный письмам поэта за студенческий период его жизни²². Поскольку письма, как уже сказано выше, заключали в себе обширный текстовый (стихотворный) материал, это издание оказалось и ценнейшим источником для изучения поэтического творчества Языкова. Чтобы дать представление о значении этого издания, достаточно сказать, что в нем опубликовано 43 автографа, из которых около десятка являлось совершенно новыми текстами, но помимо этого в „Приложениях“ редактор ввел ряд текстов из других источников. Целью его было собрать воедино все неизвестные до того времени пьесы поэта, относящиеся к дерптскому периоду. С этой целью помимо упомянутых уже материалов, извлеченных из альбомов М. Н. Дириной, были использованы и материалы архива.

Однако выбор был не совсем удачен и точен. Из двух опубликованных пьес (стихотворение „Я помню был весел и шумен мой день“ и неизвестно против кого направленная эпиграмма „Увы, я убежден решительно и верно“) первая была уже известна в печати, хотя и не вошла в издание Суворина²³, вместе с тем некоторые действительно неопубликованные пьесы, находившиеся среди бумаг языковского архива, остались им незамеченными. Так например, большой интерес представляет ряд неизвестных студенческих песен.

Студенческие песни—„бурсацкая лирика“—занимают очень видное место в творчестве молодого Языкова. Это объясняется обстановкой и специфическими условиями Дерптского университета, где господствовали нравы и обычаи германских университетов. И Языков был не единственный поэт—создатель песен дерптского студенчества, но конечно крупнейший среди них, и многие из его песен скоро стали очень популярны и в других университетах. Товарищ Языкова по университету А. Н. Татаринов рассказывает в своих воспоминаниях о поэте: „В последнее время на всех наших сходках, в особенности по настоянию Языкова, пелись вместо немецких преимущественно наши народные и цыганские песни... На всех пирушках всегда пелись с особенным восторгом и песни Языкова, некоторые из них были переведены на немецкий язык и доселе [писано в 1855 г.] поются в Дерпте не только русскими, но и немецкими буршами“.

Позже Языков явился основателем русской корпорации „Рутения“, и это снова вызвало потребность в специальных „своих“ песнях. Одна из песен Языкова надолго пережила свою эпоху и, слегка изменившись, вошла в репертуар демократического студенчества. Это знаменитая

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой...

До последнего времени всего было известно около пятнадцати студенческих песен Языкова: можно было с уверенностью утверждать, что это далеко не исчерпывало всего его песенного наследия. И действительно в бумагах Языкова нашелся еще ряд пьес, не известных исследователям и не вошедших ни в одно из прежних изданий. И без сомнения эти находки—не последние, и можно смело рассчитывать на дальнейшие поиски в этом направлении. В частности, некоторые мемуаристы утверждают, что

Языковым был переведен ряд немецких студенческих песенок, в том числе и знаменитая „Крам-бам-були“ („Крамбамбули, отцов наследство, питье любимое у нас...“).

В качестве примера приводим две студенческие песенки Языкова из вновь найденных:

I

От сердца дружные с вином,
Мы вольно, весело поем:
Указов царских не читаем,
Права студентские поем,
Права людские твердо знаем,
И жадны радости земной —
Мы ей — и телом и душой!

Когда рогатая луна
На тверди пасмурной видна, —
Обнявши деву молодую,
Лежим — и чувствует она
Студента бодрость удалую.
И, суеверие людей,
Не ожидай от нас мощей!

Милостивый Государь мой

Николай Михайлович.

Простите у меня классическое Общество, не удостоившее до сего, ниже строгих прогов и приговоров не только, но и заочно со мною познакомиться. Я все таки себя долгою почитаю, препровождаю к Вам все время 1^ю толку моего суданья, препровождаю 2^ю и 3^ю толку, не давны вышедшие. Надеюсь иль примите благосклонно и вверте, что если и буду с истинными пожеланиями.

Ваш Милостивый Государь мой

покорный слуга

Григорий Языков

20 Августа 1829.

Наш ум свободен: и когда,
 Как не гремит карет езда,
 И молчаливо пешеход
 Глядит, как вечера звезда
 Сребрит стихающие воды;
 Бродя по городу гурьбой,
 Поем и вольность и покой!

От сердца дружные с вином,
 Мы шумно, весело живем;
 Добро и славу обожаем,
 Чинов мы ищем не ползком,
 О том, что будет, не мечтаем;
 Но радость верную любя
 Пока мы живы для себя!

II

Налей и мне, товарищ мой,
 И я, как ты, студент лихой:
 Я пью вино, не заикаясь,
 И верен Вакху мой обет:
 Пройду беспечно через свет,
 От хмеля радости качаясь.

Свобода, песни и вино, —
 Вот все, что на радость нам дано,
 Вот наша [троица] святая!
 Любовь! но что любовь? Она —
 Без Вакха слишком холодна,
 А с Вакхом слишком удалая!

Вчера я знал с Лилетой рай,
 Сегодня та и тот — прощай:
 Она другого полюбила;
 Но я не раб любви моей,
 Налейте мой стакан полней!
 Не за твое здоровье, Лиля!

А то ли, Бахус, о друзья?
 Он усладитель бытия,
 Он никогда не изменяет:
 Вчера, сегодня, завтра наш!
 Любите звон веселых чаш,
 Он глас печали заглушает!

Эти песни были обнаружены нами среди бумаг уже неоднократно обследовавшегося языковского архива в ИРЛИ, а затем, буквально на этих днях, был обнаружен еще список студенческих пьес Языкова, в котором имеются и обе эти песни, по копии Шенрока (хранится в Государственном Литературном Музее в Москве), сделанной по автографам в альбоме Н. Д. Киселева. Об этом альбоме и копии Шенрока мы будем еще говорить особо.

Не будем останавливаться на других пьесах в бумагах Языкова, также относящихся к дерптскому периоду и также не вошедших в орбиту внимания редактора „Языковского архива“. Попутно отметим, что в тех же бумагах поэта и брата его, которые сохранились в Академии Наук, имеется целый ряд неопубликованных текстов, относящихся

уже к более поздним годам (1831—1846). Несколько эпиграмм и посланий рассыпано в письмах, есть ряд посланий на отдельных листках — в автографах и копиях, — среди последних: к Ив. Киреевскому (1831), к Маркевичу (1831), к Петру Киреевскому (1845), к проф. Иноземцеву (1844). Особенно примечательно послание к Маркевичу как характерный памятник националистских тенденций, тесно связывавших будущих московских славянофилов с деятелями украинского движения.

В АЛЬБОМ МАРКЕВИЧУ

Украины, некогда свободной—
И поэтически живой—
Цевницы хитрою игрой
Вы предаете дух народный.
Как чуден новый ваш рассказ,
Как просты древние напевы.
Но в наши дни поймут ли вас
Украины юноши и девы?
Так не к пленительным мечтам
Меня будили вы, и тайне
Хотя завидовал я вам,
Но не завидовал Украине.

После выхода первого тома „Языковского архива“ и „Бумаг Воейковой“ сколько-нибудь крупных публикаций не появилось. В. В. Буш в „Русском Библиофиле“ (1916, IV) напечатал найденное им „Послание к Кулибину“ из альбома последнего²⁴. Находка эта очень важна, так как она несколько обогатила наше представление о раннем периоде творчества поэта (за период 1819—1821 гг. мы располагаем всего тремя пьесами); в том же 1916 г. Ю. Н. Верховский опубликовал одну пьесу из собрания С. А. Рачинского²⁵; за время революции, несмотря на целый ряд открытых заново архивов и огромное количество впервые опубликованных текстов поэтов пушкинского окружения, языковских среди них нет. Правда, в 1927 г. в журнале Гос. Акад. Худож. Наук „Искусство“ было опубликовано в качестве неизданного послание Языкова к сестре Екатерине Михайловне Хомяковой²⁶, но к сожалению оно было уже опубликовано — и даже трижды: сначала в „Москвитяине“ (1845, № 4) и оттуда вошло в издание Суворина и ранее в издании Перевлесского²⁷.

В этот же период появилась еще одна „языковская публикация“. В еженедельном журнале „Красная панорама“ была помещена небольшая историко-литературная заметка Н. П. „Из короба собирателя“, в которой автор сообщал о подлинной „автобиографической записи“ Языкова в альбоме московского мецената Шеншина:

Уважь поклоном горделивца,
Уйми пощечиной сварливца,
Подмажь судейский скрип ворот,
Заткни куском собаке рот—
И смело бейся об заклад,
Что все четыре промолчат.

(Н. П. „Из короба собирателя“. — „Красная панорама“ 1927, № 41.)

Не видя этого альбома, трудно утверждать, действительно ли эта запись сделана собственноручно Языковым, но стихи во всяком случае не языковские. Они принадлежат Державину и помещены в III томе гротовского издания под заглавием „Правило жить“.

Единственным очень важным приобретением языковяны за этот период было только обнаруженное в бумагах архива Семейского стихотворение, посвященное памяти Рылеева (опубликовано Н. В. Измайловым в „Атенее“). Находка эта была еще и потому важна, что распутывала один любопытный вопрос, связанный уже с наследством Рылеева. Найденное стихотворение читается так:

Не вы ль, убранство наших дней,
Свободы искры огневые—
Рылеев умер, как злодей.—
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей.

7 августа 1826.

Это стихотворение, как замечает редактор, не совсем неизвестно. Два стиха из него в несколько иной редакции:

Рылеев умер, как злодей,
Да вспомянет его Россия

печатались в заграничных изданиях, как якобы сказанные самим Рылеевым перед казнью на эшафоте.

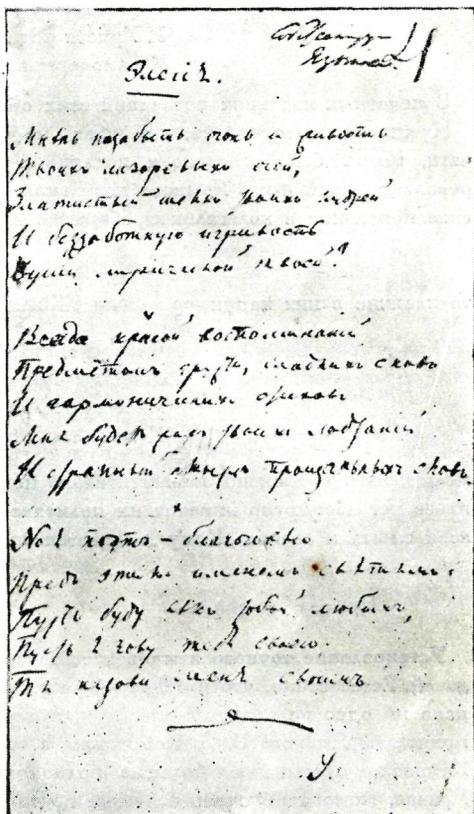
П. А. Ефремов еще в 1872 г. указывал на несостоятельность этой легенды и утверждал, что цитируемые два стиха принадлежат Языкову, являясь отрывком цельного стихотворения („Два стиха, сказанные будто бы на эшафоте, составляют начало пятистишия, написанного Н. М. Языковым“). Однако ни Ефремовым, ни кем-либо другим текст полностью не был опубликован, и утверждение Ефремова осталось недоказанным,—тем более, что некоторые текстологи чрезмерно подчеркивают недоверие к сообщениям и утверждениям Ефремова. Достоверность же обнаруженного в бумагах Семеновского текста бесспорна, ибо он переписан из рукописного сборника М. И. Осиповой—дочери владелицы Тригорского, известной приятельницы Пушкина и самого Языкова П. А. Осиповой. Сообщение же Ефремова видимо опирается на другой источник, так как ему было известно не семистишие, а пятистишие. Измайлов полагает что первые два стиха как они даны в списке, извлеченном из сборника Осиповой, кажутся как будто испорченными, и в подлиннике быть может стихотворение „звучало иначе“.

Наконец, как уже было только что отмечено, совсем недавно был найден еще один богатый источник языковских текстов. Это тетрадь Шенрока, в которой находятся и упомянутые выше списки студенческих песен. Тетрадь эта обнаружена среди бумаг Бартенева; она состоит из подробного описания альбома Н. Д. Киселева, копий с писем Языкова к Киселеву и целого ряда его стихотворений, записанных в этот альбом. Н. Д. Киселев—впоследствии известный дипломат, посол в Париже и Италии, в 20-х годах либеральный студент Дерптского университета—принадлежал к числу ближайших друзей Языкова в этот период. Известны три послания Языкова к Киселеву. Альбом (в копии Шенрока) дает еще несколько, а кроме того ряд новых разнообразных пьес поэта. Правда, многое из того, что находится в этом альбоме, уже обнаружено по другим источникам, но известно по спискам, авторитет которых не всегда был бесспорен, список же Шенрока, восходящий к такому первоклассному источнику, как альбом Киселева, устраняет всякие сомнения и является ценнейшим подтверждением авторства многих вещей Языкова, которые до сих пор приходилось приписывать ему только предположительно. Так например, в списках известен ряд эротических элегий Языкова, из которых некоторые сочетаются и с религиозным вольнодумством (списки—в бумагах Краевского, Помяловского, Ф. Кони); присутствие этих пьес в тетради Шенрока окончательно решает вопрос, устраняя всякие сомнения в их подлинности. В той же тетради, наряду со списком одиннадцати студенческих песен, находятся, что исключительно важно, копии подлинных автографов революционных стихотворений Языкова, напечатанных в свое время в „Полярной Звезде“ Герцена, известных по многим спискам, также не всегда достоверным, а иногда и путавшим Языкова с Рылеевым. Наконец имеется несколько совершенно новых, по другим источникам неизвестных пьес, в том числе две шуточных поэмы: „Дом сумасшедших в Дерпте“—сатира на дерптских профессоров, подражание знаменитому „Дому сумасшедших“ Воейкова, и „Валдайский узник“—пародия на „Шильонский узник“. Обе эти поэмы конечно шуточные шалости,

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ Н. М. ЯЗЫКОВА

«ЭЛЕГИЯ»

Институт Русской Литературы, Ленинград

которым и сам поэт видимо не придавал серьезного значения, но как свидетельство литературных вкусов и общественных интересов молодого Языкова они приобретают несомненный интерес *.

Обзор языковских текстов был бы неполон, если бы мы не коснулись также текстов Языкова, не входящих в издания его стихотворений, но известных по различным нелегальным сборникам. Впервые ряд стихотворений Языкова был помещен в „Полярной Звезде“ Герцена (1859, V). Здесь было напечатано восемь пьес Языкова, среди них: „Н. Д. Киселеву“, „К халату“, „Свободы гордой вдохновенье“, „Еще молчит гроза народа“, „Кому достанется она“, „Гимн (Боже, вина, вина)“ и др. Отсюда позже они перепечатывались и в других зарубежных изданиях: почти целиком они были включены в известный сборник Огарева „Русская потаенная литература“; стихотворение „Гимн“ — пародия на „Боже, царя храни“ — в первом русском революционном песеннике, изданном также Герценом, но с ложным обозначением места издательства на обложке („Свободные русские песни“, Кронштадт, 1863); ряд пьес перепечатывался в лейпцигских сборниках Каспровича „Лютня“. Из всех этих пьес в легальной печати было известно только стихотворение „Дерпт“, печатавшееся обычно с пропуском одного стиха; в „Полярной Звезде“, как и автографах, читается:

* Уже когда настоящая статья была написана, удалось ознакомиться и с подлинником альбома, принадлежащего внуку Киселева — Н. П. Киселеву и переданного им на хранение в Ленинскую библиотеку. Таким образом все новые тексты удостоверяются автографически; при этом нужно добавить, что, как выяснилось при сличении автографов из собрания Киселева и списков Шенрока, последние не всегда безукоризненно точны.

Здесь гений жаться не обязан,
И Христа ради не привязан
К самодержавному столбу.

В печатных изданиях последний стих обычно заменялся точками.

Нужно однако отметить, что далеко не все из того, что появилось в нелегальной печати, может быть отнесено к подлинной революционной лирике; в действительности революционный фонд Языкова довольно скромн. Если например „Дерпт“ оправдывал свое появление в нелегальном сборнике крамольной строчкой

К самодержавному столбу—

то наличие в них например элегии „Жизнь“ (в сборнике „Лютня“):

Счастливы, кто с юношеских дней,
Живыми чувствами убогой,
Идет проселочной дорогой
К мете таинственной своей... и т. д.

может быть объяснено исключительно недоразумением: в этой любовной лирической пьесе нет абсолютно никаких ни политических, ни атеистических моментов. Не вполне ясен смысл и элегии „Кому достанется она, нерукотворная Мария“.

III

Установление точного языковского текста в основном представляется не легкой задачей. Естественно, что в основу должны быть положены прижизненные издания; однако ни одно не является вполне достоверным. Издание 1833 г. велось в Петербурге приятелем Языкова В. Д. Комовским, в то время как сам поэт жил в Симбирской губ. Комовскому были даны большие полномочия вплоть до права на переделку текста. Правда, Комовский очень бережно, почти пизтически относился к тексту Языкова, но все же кое-какие правки были им сделаны; более основательно пострадало издание от цензурного вмешательства; наконец, как ни внимательно и тщательно работал Комовский, отсутствие личной корректуры автора чувствуется неоднократно. Издание 1844 г. („56 стихотворений Н. М. Языкова“) было предпринято племянником поэта Д. А. Вауевым, и сам Языков позже неоднократно уверял, быть может несколько и преувеличивая, что он не принимал абсолютно никакого участия в этом издании. „Это издание— маленькое,—писал он Гоголю,—тут кое-что, не знаю как и не знаю зачем, собрано“. Видимо более личного внимания было проявлено к книге стихов 1845 г. („Новые стихотворения“), но тяжелая болезнь Языкова мешала ему отдаться всецело делу издания. Таким образом тексты всех изданий, особенно издания 1833 г., не могут считаться вполне достоверными. Сохранившиеся же автографы относятся по большей части к первым редакциям, зачастую весьма отличным от дефинитивного языковского текста.

В письмах к родным, как и к В. Д. Комовскому (период 1831—1832), Языков неоднократно сообщает о своей работе над переделкой своих стихов, и эта работа, как свидетельствует сопоставление вариантов, действительно была очень значительна, но автографы этих поздних редакций отсутствуют почти начисто. Сохранилась только одна тетрадь копий, видимо предназначенная к печати, но она относится к более раннему, еще дерптскому, периоду и едва ли может быть датирована позже 1828 г. Кроме того и тот оригинал, который был послан Комовскому для печати, был не автографичен, а видимо писарской и едва ли тщательно выверенный. По крайней мере Пушкин, при самом беглом просмотре (вернее проглядывании, так как Комовский „боялся“ доверить ему рукопись), обнаружил несколько ошибок. Затем во всех изданиях мы имеем дело с цензурными искажениями и снять их удастся далеко не всегда. Так например, пьеса „На смерть А. А. Дельвига“ и в „Северных Цветах“ (1832), где она помещена первоначально, и в издании 1843 г. печаталась в следующем виде (приводим первую строфу):

Там, где картинно обгябая
 Брега, одетые в гранит,
 Нева, как небо, голубая,
 Широководная шуйит,
 Жил-был поэт. В соблазны мира
 Не увлеклась душа его;
 Ни в чем не видел он кумира
 Для вдохновенья своего,
 И независимая лира
 Чужда была страстям земным,
 Звуча наитием святым.

Однако эта редакция явилась вынужденным изменением под давлением цензуры. Об этом свидетельствует сам поэт в письме к В. Д. Комовскому. В подлинной редакции стихотворения ст. 7—11 читались так:

Шелом и царская порфира
 Пред ним сияли: он кумира
 Не замечал ни одного:
 Свободомыслящая лира
 Ничем не жертвовала им.

Стихотворение „Кудесник“ в издании 1833 г. начинается следующим образом:

На месте священном, где с дедовских дней
 Счастливым дарами природы,
 Народ Ярославов по воле своей
 Себе избирает и ставит князей...

В „Невском Альманахе“ (1827) второй стих читался иначе:

По праву наследной свободы.

Цензурная замена в изд. 1838 г. настолько очевидна, что, казалось бы, исправлением стиха по первоначальной печатной редакции вопрос о точном тексте этой пьесы вполне решается, но оказывается (свидетельства писем и других источников), что и первая редакция (т. е. редакция „Невского Альманаха“) является также вынужденной. Подлинный же текст поэта сохранился только в одном из ранних списков (в альбоме А. М. Языкова), где он читается:

Счастливым дарами свободы.

Возьмем еще одно начало. Первые четыре строфы в „Тригорском“ в печатных редакциях всюду читаются:

В стране, где вольные живали
 Сыны воинственных славян,
 Где гордо именем граждан
 Они друг друга называли...

В автографах же „Тригорского“ (их сохранилось два) третий стих читается: „Где сладким именем граждан“. Что здесь: исправление автора? Поправка чисто эстетического порядка? Такое объяснение было бы вполне законным, однако переписка поэта дает возможность установить и в данном случае цензурное вмешательство, Языков же все время стремился сохранить первоначальную редакцию этого стиха.

Кроме цензуры немалую роль играла и цензура редакторская,—и в дальнейшем не всегда эти „исправления“ оказывались устраненными. Так например, в „Деннице“ 1834 г. было помещено одно из посланий к Вульфу, позже перепечатанное в издании 1845 г.:

Прошли молодые наши годы.
Ты, проповедник и герой
Академической свободы,
И я—давно мы жребий свой,
Немецки-шумный и живой,
Переменили на иной.

По поводу этого послания редактор „Денницы“ М. А. Максимович писал Языкову: „Мне очень жаль, что нельзя напечатать двух стихов противоцензурных: академической свободы (уж не природы ли опять курсивом?) и „как раба не угнетай“. Проповедник свободы академической есть контрабанда в нашей литературе, особенно в текущую минуту... да уж поступитесь мне и словом „ночные“. Это уж для меня собственно, ибо я помещался на целомудрии“. Все эти поправки были сделаны, при чем Языков выправил только две первые, что же касается стиха со словом „ночные“, то его он предоставил всецело усмотрению Максимовича: „Впрочем, во всем этом да будет воля ваша, особенно же в слове „ночные“, которое вовсе предаю вашему литературному целомудрию“.

В издании 1845 г. текст уже частично освобожден от вынужденных исправлений, однако же „целомудренная“ поправка Максимовича, в которой конечно не было никакой нужды, сохранена и в этой редакции, и подлинное чтение можно восстановить только по сохранившемуся списку (рукой А. М. Языкова):

Поклон вам, прежние мои,
Пляшите, пойте, прощайте,
Великолепно оживляйте
Ночные шалости любви.

Вместо последнего стиха в „Деннице“ и издании 1845 г.—„Пирь и шалости любви“.

Можно привести и другие примеры такого типа. К сожалению не все поддается выправлению,—сплошь и рядом мы встречаем в переписке жалобы поэта на допущенное по тем или иным причинам искажение, однако подлинный текст при этом не приводится, или он утерян.

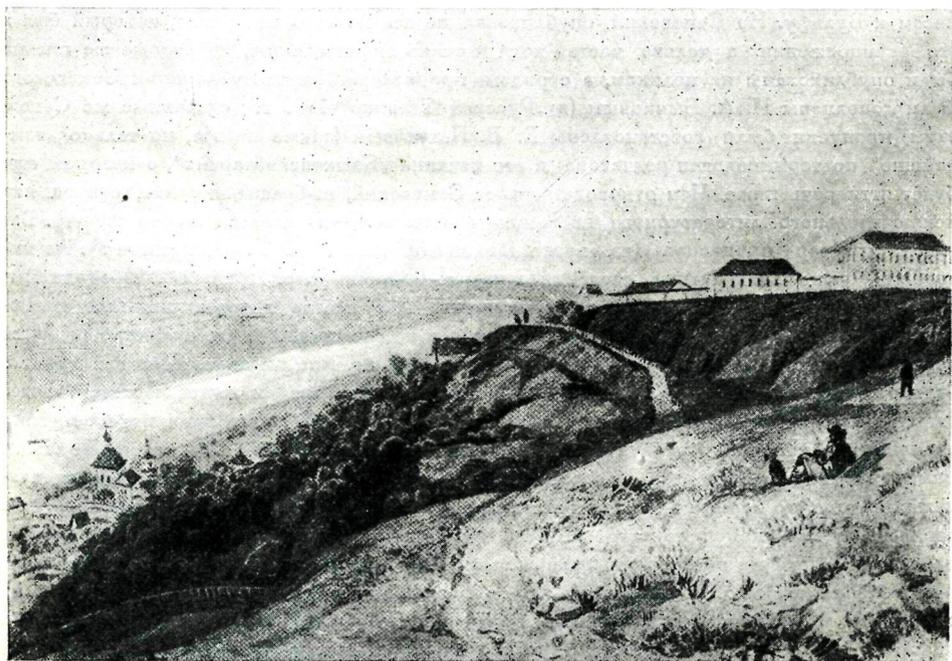
Попыткой собрать воедино и дать возможно полное собрание языковских текстов является издание, подготовленное к печати автором настоящего обзора (изд. „Academia“). Оно явится и первым критическим изданием, с привлечением всего первопечатного и доступного рукописного материала. В новое издание входит все, что входило в прежние издания, и то, что было опубликовано различными исследователями на страницах научных изданий или журналов. Конечно включен весь доступный редактору рукописный материал, обнаружены некоторые стихи Языкова в старых альманахах и т. д. И все же, нужно совершенно определенно заявить, и это издание ни в коем случае не может считаться окончательным ни в смысле критической проверки текста, ни в смысле полноты. Мы уже указали на те трудности, которые стоят на пути исчерпывающей проверки и установления дефинитивного текста; еще большие трудности стоят на пути установления исчерпывающего списка всех произведений Языкова. Далеко еще не все источники вскрыты и определены, и несомненно еще неоднократно будут всплывать новые языковские находки. Как пример можно указать, что известен не весь архив Елагиных; в частности нет (или почти нет) писем Языкова к Петру Киреевскому, письма же к близким друзьям часто сопровождалась стихами (например письма к Вульффу, к Киселеву), не сохранилось архива корпорации „Рутения“, первым председателем которой был Языков и для которой он написал ряд песен, не сохранилось архива фон дер Борга (во всяком случае о нем ничего неизвестно) и мн. др. Наконец могут оказаться находки также и в печатных изданиях: в журналах и альманахах 20—30-х годов Языков очень часто помещал свои стихотворения или совсем без подписи или подписывая какими-нибудь буквенными обозначениями, очень далекими от его подлинных инициалов. „Песнь Баяна“ в „Благонамеренном“ была подписана буквой „О“; элегия („Мне ль позабыть огонь и живость“) в Московском Вестнике—буквой „У“. Первая пьеса вклю-

чена в издание 1833 г., но вторая так бы и могла остаться утраченной, если бы не обнаружение автографа этой элегии в альбоме А. Е. Комаровской (опубликована Б. Л. Модзалевским)²⁸.

Знаменитое послание к Вульфу, известное также под заглавием „Послание о журналистах“, опубликовано впервые в альманахе „Эхо“ без подписи. Там же была помещена следующая эпиграмма:

Прочь с презренною толпою!
 Цыц, схоластики, молчать!
 Вам ли черствою душою
 Жар поэзии понять?
 Дико, бешено стремленье,
 Чем поэт одушевлен:
 Там в безумном упоенье
 Бог поэтов, Аполлон,
 С Марсиаса содрал кожу!
 Берегись его детей:
 Эпиграммой хлопнут в рожу,
 Рифмой бешеной своей
 В поэтические плети
 Приударят дураков,
 И—позор ваш, мрака дети,
 Отдадут на свист веков!

Эта эпиграмма имеет любопытную историко-литературную судьбу. Ее считали направленной и против Белинского, и против Надеждина, и против Каченовского: авторство же ее приписывалось П. А. Вяземскому. С таким приурочением помещена она и в недавно вышедшем сборнике, посвященном русской эпиграмме и сатире²⁹. Не будем

АКВАРЕЛЬНЫЙ РИСУНОК В. А. ЖУКОВСКОГО, ИЗОБРАЖАЮЩИЙ СИМБИРСК
 Институт Русской Литературы, Ленинград

останавливаться подробно на аргументации в пользу такого приурочения. Заметим только, что оно очень сомнительно и само по себе, без какого бы то ни было сопоставления с другим лицом. Но есть факты, позволяющие иначе поставить вопрос об авторе. В известной статье „Русская литература в 1845 году“ Белинский делает очень прозрачный и ясный намек на принадлежность этой эпиграммы Языкову. „Нельзя не согласиться,—писал он,—что это немножко пошло, немножко грязно, отчасти даже глуповато; но нельзя не согласиться и с тем, что это только доведенная до последней крайности та м и л о - з а б у б е н н а я поэзия, которая воспевала удаль бурсацкой жизни и возвышенные стремления разума к чаще с шипучим,—та разудалая поэзия, которую мы с вами, читатель, так восхищались во время оно и которая теперь еще имеет простодушие претендовать на внимание и почет...“ Выражения: „бурсацкая жизнь“, „бурсацкая поэзия“ и „мило-забубенная жизнь“—это терминология самого Языкова, и Белинский неизменно пользовался ими, когда говорил и писал об Языкове. Таким образом вопрос об авторстве остается совершенно решенным: Белинский несомненно в данном случае был превосходно осведомлен, тем более, что был период, когда он был близок с языковским окружением (период работы в „Московском Наблюдателе“).

Есть ряд и других неподписанных пьес в альманахах и журналах 20—30-х годов, которые также с весьма солидными основаниями могут быть приписаны Языкову; в нашем издании они включены в отдел „Dubia“ конечно с подробной аргументацией в приращениях.

IV

Весьма недостаточно изучено и эпистолярное наследие Языкова⁹⁰, хотя первое появление его писем относится уже к концу 50-х годов. Так в 1856 г. было опубликовано несколько писем Языкова к Гоголю в известной биографии последнего, составленной Кулишем; в 1858 г. на страницах „Библиографических Записок“ появилось два письма Языкова к известной Н. Н. Шереметевой, теще декабриста И. Д. Якушкина и приятельнице Гоголя. Но все это конечно были мелочи. Крупным и ценным вкладом в эту область языковеды явились в этот период только сделанные Семевским публикации писем к Вульффу. Но Семевский опубликовал не все из того материала, который был в его распоряжении, а только часть, хотя и очень значительную, некоторые же письма были опубликованы не целиком, а с рядом пропусков. Позже публикации Семевского были дополнены И. А. Бычковым (в „Русской Старине“ 1903 г.); сделанные же Семевским пропуски были восстановлены Е. В. Петуховым (также не все, но только „важнейшие“ по терминологии редактора) в его издании „Языковский архив“, о котором еще будет идти речь ниже. Чем руководствовался Семевский, выбрасывая места совершенно исключительного литературного значения и интереса,—догадаться очень трудно. Вот яркий пример пропусков (из восстановленных позже Е. В. Петуховым): „Ты мне сообщил очень любопытные сведения о нашем Бейроне [т. е. Пушкине]. Продолжай и впредь это делать. Само собой разумеется, что мне всегда хочется знать все касающееся до человека, с которым я так роскошно и весело пьянствовал в стране, видевшей лучшее, т. е. счастливейшее время моей жизни. Он ко мне писал из Москвы: манит и блазнит меня посылать стихи мои в „Московский Вестник“ и хочет, кажется, вовсе втянуть меня в эту единоторговницу словесности русской. Говорит, что пора задуть альманахи и, конечно, этот будущий удушитель сих пигмеев есть „Московский Вестник“. Замечу мимоходом, что едва ли альманахи вредят успехам Парнаса более, нежели журналы, потому что первые никак не останавливают хода учености, будучи делом мелочных своих издателей, напротив того, человек издающий журнал, по необходимости должен работать к спеху не в своем околотке и, таким образом, покидать свой предмет на поле просвещения, где мог бы он сделать что-либо знаменитое, занимаясь однако частью не опроретью и не без оглядки. Пример этому сам Полевой, из которого теперь именно ничего не выдет достославного, потому что он кидается и туда, и сюда по наукам, как угорелая кошка, потому что издает журнал“.

Начиная с 80-х годов стали появляться и публикации языковских писем из его архива. История этого архива чрезвычайно любопытна. Начало ему в сущности положил

сам Н. М. Языков. Еще в 1823 г., т. е. двадцатилетним юношей, он писал брату, что их совместная переписка „должна быть хранима для современников и для потомства“. „Не правда ли?—спрашивал он.—Так при свидании нашем мы расположим соответственно и хронологически мои и твои письма: после будет самым приятно видеть, что мы думали и чувствовали во время нашей разлуки“. Вскоре после смерти Языкова вся его огромная переписка с родными, вместе с ответными письмами последних и письмами его различных знакомых (главным образом литературных), была передана Ф. В. Чижову, предполагавшему составить биографию поэта. Особенно хлопотал о приведении архива в порядок и пополнении его А. М. Языков. Но Ф. В. Чижев умер, не успев довести до конца начатой им биографии, архив же вернулся в семью Языковых. Затем им заинтересовался, как уже упоминалось выше, Д. Н. Садовников. После смерти последнего эти бумаги были переданы Петром Павловичем Языковым (внуком Александра Михайловича Языкова) одному из языковских родственников по женской линии—камергеру В. Н. Поливанову, от которого уже затем и поступили в Академию Наук. Садовников также со своей стороны сделал некоторые пополнения, и, когда удалось приобрести и его архив, в Академии образовалось значительное собрание бумаг Языкова: основная часть (собственно языковский архив) хранилась в Рукописном отделе Библиотеки (БАН), часть же бумаг Садовникова—в Пушкинском Доме. В 1931 г. обе эти части объединены в одно хранилище и находятся в Институте Русской Литературы (ИРЛИ).

Архив этот содержит огромнейшую семейную переписку: письма Н. М. Языкова к родным (1822—1846)—к братьям, матери и сестрам; письма к нему сестер и братьев, особенно А. М.; письма братьев Языковых к В. Д. Комовскому и ответные письма последнего; ряд писем к Языкову крупнейших русских писателей: Пушкина (в копиях), Гоголя, Баратынского, Киреевских, кроме того письма Даля, Воейкова, Сомова, художника Иванова, Максимовича и др. Ниже мы приведем подробный перечень корреспондентов Языкова.

Первыми биографами и исследователями поэта эта огромная переписка была использована весьма незначительно. Д. Н. Садовников опубликовал только письма Пушкина к Языкову и кроме того сделал сводку из упоминаний и высказываний в письмах о Пушкине. Позже материалами этого архива пользовался В. И. Шенрок, первоначально ради работ по Гоголю, а затем работая и над биографией самого поэта, интерес к которому вырос у него из занятий Гоголем. В биографии Языкова, опубликованной в 1897 г., Шенрок весьма широко использовал переписку, часто приводя огромные куски из последней, а кроме того опубликовал позже ряд выдержек из писем Языкова (за 1831—1846 гг.), касающихся литературных тем и интересов. До этого им были напечатаны целиком письма Языкова к Гоголю (по материалам архива Гоголя). Эта переписка—один из существеннейших памятников для истории творчества Языкова и его мировоззренческого пути. Гоголь чрезвычайно высоко ценил поэзию Языкова, в его письмах неоднократно встречаются самые восторженные отзывы. В статье „В чем же, наконец, сущность русской поэзии и в чем ее особенность“ Гоголь писал об Языкове: „Имя Языков в пришлось ему не даром. Владеет он языком, как араб конем своим, и еще как бы хвастается своею властью. Откуда ни начнет период, с головы или с хвоста, он выведет его картинно, заключит и замкнет так, что останешься пораженный“. Позже, когда в лирике Языкова начинают звучать религиозные и славянофильские настроения, отношение Гоголя становится еще серьезнее; в Языкове он видит уже союзника и в дальнейшем стремится сделать из него ученика и адепта своих религиозно-мистических идей. В этом сущность их переписки. С этой стороны чрезвычайно характерно письмо Гоголя из Баден-Бадена (1843 г.): „Тебе нужно освежение духовное,—пишет он поэту.— Дай мне слово говеть, приехавши в Москву, при первом случае,—если в великий пост, то на первой неделе. В продолжение говения займись чтением церковных книг. Это чтение покажется тебе трудным и утомительным,—примись за него с карандашом в руке, читай скоро и бегло и останавливайся только там, где поразит тебя величавое слово и наоборот записывай и замечай их себе в материал. Клянусь, это будет дверью в ту великую дорогу, на которую ты выйдешь. Лира твоя наберется там

неслыханных миром звуков и, может быть, затронет те струны, для которых она дана тебе богом“ и т. д. В этом же письме Гоголь советует Языкову служить у себя на дому каждую субботу всюнощную и пр.

Конечно не следует преувеличивать значения гоголевского влияния и приписывать ему какую-нибудь решающую роль в том направлении, которое приняла поэзия Языкова в 40-х годах; конечно и без Гоголя он пришел бы к тем реакционно-консервативным позициям, но Гоголь сыграл некоторую роль в их укреплении, а пожалуй и в заострении. Переписка очень отчетливо вскрывает этот момент: так например, Гоголь решительно приветствовал весь полемический цикл посланий Языкова (к Аксакову, Шевыреву, Чаадаеву, „К не нашим“).

В 90-х годах Академия Наук приступила к систематическому изданию языковского архива. В 1913 г. вышел первый, оставшийся к сожалению единственным неоднократно упоминавшийся том писем Языкова под редакцией проф. Е. В. Петухова, который охватил письма к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). Это издание имеет огромное значение и не только в языковедении, но оно является важным памятником литературно-общественных настроений 20-х годов. Ценнейшим материалом служит оно и для понимания характера студенческой жизни в Дерпте во время пребывания там Языкова. Наконец эти письма дают возможность по-новому подойти к облику самого поэта и во всяком случае значительно изменить некоторые традиционные представления о нем.

„Вакхическая“ и „эротическая“ поэзия Языков очень часто понималась и трактовалась в узко биографическом плане. За поэтическим образом в изображении биографов вставал образ самого поэта. Так например, В. Шенрок, в биографическом очерке Языкова, говорит об отрицательном влиянии студенческой среды, о природной лени поэта как об основных факторах биографии и творческой деятельности „поэта разгула и свободы“, как именует он Языкова.

Однако эту биографическую легенду о недоучившемся студенте нужно решительно снять. Отчасти это уже сделано, хотя быть может еще недостаточно вошло в литературный оборот. Так еще Геннади отмечал несостоятельность таких утверждений. „Читая большую часть стихотворений Языкова, нужно думать, что его только и вдохновляли вино да девы (но не парнасские), да забубенные песни поэтов... Но поэтам не всегда надо и можно верить. Нам кажется, что для того, чтобы написать стихи складно и ладно, прежде всего надо быть трезвым. И когда чудно пьянствует поэт, он пишет не стихи, а вензеля“. Опровержению этой легенды посвятил специальный этюд Е. Бобров. На основании изучения архивных университетских материалов он сумел достаточно отчетливо показать, что среди дерптских студентов Языков скорее был одним из наиболее передовых, много читавших и работавших. Возможно, что Е. Бобров, как часто бывает в таких случаях, несколько перегнул палку в другую сторону, невольно преувеличив размеры и характер студенческих занятий Языкова. Но по существу он несомненно прав, и письма (с которыми Е. Бобров не был знаком, когда писал свою статью) вполне подтверждают его основные положения. Письма эти заставляют совершенно иначе взглянуть на общепринятое мнение о недоучившемся студенте, малообразованном кутиле и пр. Его письма к братьям полны упоминаний о разного рода планах работы, о прочитанных и купленных книгах, просьбами о присылке книг, отчетами о прочитанном и т. п. Словом, свидетельствуют о большой умственной работе поэта и о большой работе над собой. Он много читает по истории, по эстетике и особенно по литературе; не говоря уж о том, что Языков прекрасно знал всю современную русскую литературу и непрерывно следил за ней, он внимательно следил за западноевропейской литературой и очень хорошо знал ее. В его письмах мы встречаем суждения о прочитанных сочинениях Вергилия, Тибулла, Шекспира, Шиллера, Гете, Тасса, Ариоста, Байрона, Альфieri, Стерна, Бенжамена Констана, Вальтер Скотта, Иммермана, Кальдерона, Лессинга, Мицкевича, Нодье и т. д., и т. д. На огромное значение этих писем для истории творчества и в частности текста Языкова мы уже указывали выше.

С текстологической стороны издание Е. В. Петухова не свободно от значительных ошибок. Конечно в основном редактор очень успешно справился с достаточно нелег-

ПИСЬМО Н. М. ЯЗЫКОВА
 К БРАТУ ОТ 17 ЯНВАРЯ 1826 г.

Институт Русской Литературы,
 Ленинград

С Писем Вар. Жуковскому
 — что ты ввлекать хочешь статью
 своего брата Попова: зачем не
 написать о нем в Москве известия.
 О тебе тоже. — Нам очень идея
 — увидеть тебя и поговорить в Москву
 — твои стихи публиковать двамая
 — в журнале Фомы Васильева.
 Прощай — мой брат
 Н. М. Языков
 Январь 17 1826

кой задачей расшифровки почерка Языкова — Шенрок называл его „убийственным“. Но очень много ошибок допущено в коньектурах редактора. Например на стр. 216 (письмо от 1 ноября 1826 г.) Языков пишет брату: „Радуюсь сердечно, что Амплий опять вышел на свет литературы, что он теперь может сторицею отомстить Шаплету за съедение Жук[овского]“, но в автографе совершенно отчетливо Жуи. Редактор же принял последнее за сокращенное написание фамилии Жуковского (Жук), что однако невозможно и по самому контексту. Аналогичная ошибка на стр. 221. В письме от 4 января 1828 г. Языков пишет: „Мне любопытно узнать причины, побудившие тебя дать Ив. моего Арана и еще что-то: думаю, что это одна братская дружба, а отнюдь не определение вкуса“. Сокращенное написание „Ив.“ редактор расшифровывает: Ивану хотя сам же ставит рядом вопросительный знак, ибо никакого Ивана, к которому можно было бы отнести это упоминание, он не знает. Однако совершенно несомненно, что в данном случае речь идет об Ивашевых — семья декабриста В. П. Ивашева, с которой Языковы были связаны родственными узами (брат поэта Петр Языков был женат на сестре декабриста) и которая принадлежала к числу культурнейших семей в Симбирске.

Совершенно невероятную ошибку делает редактор при попытке расшифровать одно неразборчиво написанное собственное имя в письме от 10 октября 1823 г.: „Я получил Вальтер Скота и.... и уже начал читать последнего: он — бравый малый, как кажется благодарю, но думаю, что он слишком наг для того, чтоб я позволил себе давать читать его части прекрасных моих знакомок“ (стр. 99). В подстрочном примечании редактор предлагает читать неразборчивое слово, как „Гирея“, „под которым, — поясняет он, — Языков мог разуть поэму А. С. Пушкина „Бахчисарайский фонтан“, но так как эта поэма была напечатана только в 1824 г., то Е. В. Петухов предполагает, что речь идет о рукописной копии этого произведения.

Список „Бахчисарайского фонтана“ действительно был в руках Языкова — об этом свидетельствует письмо от 2 марта 1824 г., но почему эту поэму нельзя было давать читательницам, почему можно сказать о Гирее, что он „слишком наг“? Думается, что никакого удовлетворительного ответа на эти вопросы не может быть и что эта догадка совершенно лишена какого бы то ни было основания.

Не всегда удовлетворительны и очень часто совершенно скудны комментарии, — это уже было в свое время отмечено критическими рецензиями (напр. Н. Лернером, С. Бобровым).

Издание Е. В. Петухова охватывает только 1822—1829 гг.; остальная часть писем Языкова остается неизданной. Правда, как мы уже упоминали, в „Русской Старине“ были помещены выдержки из писем Языкова к братьям за 1831—1846 гг. Не совсем ясно, делал ли эти выборки сам Шенрок, или это сделал редактор журнала (последнее более вероятно), но во всяком случае эти „сливки“ сняты очень небрежно и поверхностно. Оставлен без внимания целый ряд ценнейших фактов, имеющих значение не только для изучения жизни и творчества Языкова, но и для истории русской литературы в целом. Так например, совершенно отсутствуют письма, касающиеся встреч Языкова за границей с немецкими литераторами; опущены все упоминания, касающиеся участия Языкова в предприятии Петра Киреевского (собрание памятников фольклора). Между тем эти материалы дают огромное количество новых сведений по истории собрания Киреевского и совершенно в новом свете рисуют нам роль Языкова в этом деле. Этой же теме (собрание песен) посвящены хранящиеся в языковском архиве письма П. В. Киреевского. В письмах из Германии и Италии находим упоминания о Гоголе, Бакуinine, Дьяковой, Мельгунове, Кениге и т. д.³¹

Накопед письма московского периода, по возвращении из-за границы (1843—1846), являющиеся превосходным документом славянофильской Москвы—памятником славянофильской борьбы и славянофильских будней. В частности письма этого периода являются важным комментарием к циклу полемических посланий Языкова. Так например, в письме от 28 марта 1845 г. он пишет родным в Симбирск: „Грановский сердит на меня по сю пору. Не по сердцу ему выражение „блистательный лакей“³². Пусть сердится: эти стихи сделали свое дело; разделили то, что не должно быть вместе, отделили овец от козлаищ—польза большая“.

Недавно в Москве у одного частного лица была обнаружена серия писем Языкова к Ф. В. Чижову, также относящихся к этому периоду и значительно дополняющих ту картину жизни московского славянофильства, которая рисуется в языковских письмах. Они же дают и новый штрих в облике Языкова, показывая его как энергичного и деятельного члена партии³³. Другая часть переписки—ответные письма Чижова—находится в архиве Садовникова (ИРЛИ).

В связи с этим циклом писем Языкова находится и его переписка с Максимовичем, недавно напечатанная на страницах украинского историко-литературного журнала В. Петровым, сопроводившим их публикацию интересным очерком о взаимоотношении этих двух деятелей. „Листування Языкова и Максимовича,—пишет он,—мий цінуюмо, як листування „людей 20-х рр.“, що покаже, як у конкретних життєвих обставинах особистих зносинах ці „поетичні“ ідеї 20-х рр. оформилися протягом двох десятиліть у певні ідеологічні напрямки—київського „українофільства“ та москєвського „славянофільства“, що здійснити їхне орган заціюко—ідеологічне об'єднання, за допомогою особистих звязків Языкова, так уперто весь час намачався Максимович“.

Огромное место в языковском архиве занимают письма к поэту. Языков очень бережно хранил эти письма и так же, как и сам, считал необходимым хранить их для будущего. Пересылая брату письмо, полученное им от Сомова, Языков писал: „у тебя да собираются послания ко мне литераторов“. А. М. Языков, со своей стороны, также очень заботился о хранении и собирании таких „литературных писем“. В настоящее время в архиве сохранились письма к Языкову следующих лиц: Е. Аладьина (издатель „Невского Альманаха“), И. С. Аксакова, Е. Баратынского, Д. Валуева (племянник поэта, талантливый археограф, рано скончавшийся, издатель „Симбирского Сборника“), П. Висковатова, А. Воейкова, Гоголя, кн. Голицыной (одна из „воспетых“ Языковым), Дениса Давыдова, Даля, М. Дмитриева („Алджмитриева“, как называл его Вяземский в отличие от „Дмитриева настоящего“—И. И. Дмитриева), А. П. Елагиной, художника А. А. Иванова, декабриста В. П. Ивашева, В. Карлгофа (второстепенный литератор 30-х годов), П. А. Катенина, И. и П. Киреевских, Н. Д. Киселева, В. Княжевича (товарищ Языкова по университету), В. Д. Комовского, Крузе, Ливена, М. А. Максимовича,

Н. Мельгунова, Мещерского, С. Николаевского (провинциальный литератор, редактор-издатель „Ярославского литературного сборника“, где поместил воспоминания об Языкове), П. А. Осиповой, К. Павловой (автографы посланий Языкову), П. А. Плетнева, А. Петерсона (родственник Елагиных-Киреевских), Я. Полонского, М. П. Розберга (издатель „Одесского Альманаха“), барона Розена (литератор, автор либретто оперы „Жизнь за царя“), М. Н. фон Рейц, рожденной Дириной, декабриста С. М. Семенова, И. Селяванова (одного из многочисленных альманашиков), Ореста Сомова, А. И. Тургенева, А. Н. Тютчева (товарищ Языкова по университету), А. Фукс (казанская повестесса), П. Ханенко, графа Хвостова, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, В. Федорова (товарищ Языкова по университету, впоследствии профессор астрономии) и мн. др.

Некоторые из этих писем являлись большими гвездами, как например письма В. Д. Комовского, Гоголя, Петра Киреевского, Семенова. Но в основном это—одно-два письма. Изредка больше. Таковы письма: Баратынского, Даля, Иванова, декабриста Ивашева, Катенина.

Но конечно нет никаких оснований рассчитывать, что в архиве сохранилась вся переписка. В частности письма Пушкина сохранились только в копиях. Подлинники были у Садовникова, который и опубликовал их в „Историческом Вестнике“. Письма Языкова к Пушкину опубликованы в академическом издании пушкинской переписки. М. А. Цявловский полагает, что напечатанными письмами исчерпан весь фонд переписки Пушкина и Языкова. Однако это определено не так. Наоборот, можно предполагать, что первое время по возвращении переписки их носила очень интенсивный характер. В сентябре 1826 г. он пишет брату: „У меня завелась переписка с Пушкиным—дело очень любопытное. Дай бог, чтоб только земская полиция в него не вмешалась“. Очень вероятно, что эта переписка шла через Вульф-Осиповых. В частности первое послание Языкова к Пушкину („Не вовсе чужа бога света“) было переслано в письме к Вульфу. Это письмо до нас не дошло, как не дошел и автограф (или полный список) самого послания, опубликованный же журнальный текст имеет цензурные точки и пропуски³⁴.

Из писем Дельвига, о которых Языков неоднократно упоминает в переписке, сохранилось только одно, воспроизведенное автографически в известном труде П. Полевого. Из писем Жуковского известны только фрагменты; есть достаточные основания предполагать, что Языков был в переписке с издателями „Полярной Звезды“, но ни писем Бестужева, ни писем Рыльева в его архиве не сохранилось.

Недавно обнаружено несколько писем Языкова к Елагиным (ИРЛИ) и письма к Вяземскому (Центрархив, Москва); кроме того следует добавить еще, что в Публичной Библиотеке СССР им. Ленина хранятся письма к Погодину, использованные в известной биографии последнего, составленной Барвиховым.

Из этого большого архивного богатства опубликовано весьма мало. Кроме уже упомянутых публикаций писем Гоголя и Максимовича можно указать еще только две. В „Литературных Портфелях“ Б. Л. Модзалевский опубликовал письма Воейкова и кроме того были опубликованы письма Баратынского. Последним особенно „повезло“, так как они были опубликованы дважды. В 1917 г. А. С. Поляковым (в „Литературно-библиологическом Сборнике“) и в 1924 г. Е. В. Петуховым—в „Историко-литературном Сборнике“, посвященном В. И. Срезневскому. Это совпадение объясняется тем, что последний сборник находился в печати несколько лет. Наконец несколько писем университетских товарищей Языкова включил особым приложением в свое издание Е. В. Петухов.

Некоторые материалы из этой части архива использовались частично и, так сказать, попутно, в виде примечаний и упоминаний в статьях. Так например, В. Петров в примечаниях к письмам Максимовича цитирует некоторые куски из писем П. Киреевского; А. С. Поляков в комментарии к письмам Баратынского приводит выдержки из письма А. А. Фукс; в комментарии Е. В. Петухова приведено письмо А. Тютчева с замечаниями об „Андромахе“ Катенина, отрывок письма Н. Д. Киселева, письма Е. Аладына, П. А. Осиповой и ряд выдержек из писем Хвостова.

Не все в этом эпистолярном наследстве имеет одинаковую ценность, но в основном „Языковский архив“ является весьма значительным и важным историко-культурным памятником, отражающим в разнообразных литературных и бытовых документах различные стадии общественно-литературного процесса на протяжении трех десятилетий. Поэтому опубликование этого архива целиком должно несомненно явиться одним из существенных desiderata нашего литературоведения.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Смирнов, В. Я., Жизнь и поэзия Н. М. Языкова. Пермь, 1900.
- ² Из этой среды вышли следующие работы, посвященные Языкову:
Бобров, С., Лирическая тема. М., 1914.
Бобров, С., Записки стихотворца. М., 1916 (статья „Дерптские письма Н. М. Языкова“).
- Бобров, С., Н. М. Языков о мировой литературе. М., 1916.
- Асеев, Н., Ночная флейта. Стихи. Предисловие С. Боброва. М., 1914.
- Языков, Н. М., Лирические стихотворения. Со вступит. статьей В. Шершеневича. М., 1916.

³ См. предыдущее примечание.

⁴ „Стихотворения Н. Языкова“. СПб., 1833. На титуле эпитафия:

Wer das Dichten will verstehen,
Muss in's Lang der Dichtung gehen;
Wer den Dichter will verstehen,
Muss in's Dichters Lande gehen.
Goethe.

„56 Стихотворений Н. М. Языкова“. М., 1844.

„Новые стихотворения Н. М. Языкова“. М., 1849.

⁵ „Стихотворения Н. М. Языкова“. При них приложены его портрет, факсимиле, сведения о его жизни и значении и написанное о нем в разных периодических и других изданиях. Ч. I—II, СПб., 1858 (предисловие и редакция проф. П. Перевлесского).

⁶ Рецензия Добролюбова—„Соврем.“ 1858, кн. III, стр. 43—49.

⁷ Штрандман, Лирическая поэзия последователей Пушкина.—„Московское Обозрение“ 1859, № 2.

⁸ В „Русской Беседе“ были опубликованы следующие пьесы: „Послание о журналистах“, „Я помню был весел и шумен мой день“, „К баронессе Вревской“. Любопытна судьба этих публикаций. Они не вошли в последующее полное собрание стихотворений Языкова и остались неизвестными редактору „Языковского архива“, это тем более странно, что в языковской литературе имеются неоднократно ссылки на эти публикации, например у Семеновского (см. ниже) и в книге В. Я. Смирнова.

⁹ По сообщению редактора „Русского Архива“ П. И. Баргенева у Н. М. Языкова была печать с вырезанным на ней этим текстом по-гречески.

¹⁰ Семеновский, М. И., Поездка в Тригорское.—„СПб. Ведом.“ 1866, №№ 139, 146, 157, 163, 168, 175.

Семеновский, М. И., Н. М. Языков. Новые стихотворения и письма.—„Русск. Архив“ 1867.

¹¹ Княжевич, В. М., Два стихотворения Н. М. Языкова.—„Русск. Архив“ 1871, № 7—8, стр. 712—748.

¹² Киреевский, С. И., Н. М. Языков.—„Русск. Стар.“ 1886, № 6, стр. 171—172.

¹³ „Из собрания автографов В. Н. Поливанова“.—„Русск. Стар.“ 1887, IX, стр. 224—225.

¹⁴ Жихарев, С. П., П. Я. Чаадаев.—„Вестн. Евр.“ 1871, IX, стр. 43—48.

¹⁵ „Русский Архив“ 1875, № 5, стр. 111.

¹⁶ „Русский Архив“ 1879, № 8, стр. 398—399.

¹⁷ Барсуков, Н., Жизнь Погодина, т. VIII.

¹⁸ „Стихотворения Н. М. Языкова“, т. I—II.—„Дешевая Библиотека“ А. С. Суворина. СПб., 1898.

¹⁹ „Литературная находка“.—„Ист. Вестн.“ 1901, X (перепечатка заметки Юкельсона из „Нов. Врем.“ 1901, № 9148).

²⁰ Бычков, И. А., Из неизданных стихотворений и писем Н. М. Языкова.—„Русск. Стар.“ 1903, № 3, стр. 477—496.

Бычков, И. А., Из неизданных стихотворений Н. М. Языкова и В. А. Жуковского.—„Изв. Отд. Русск. языка и слов.“ 1911, т. XVI, в. 2, стр. 1—41.

²¹ Соловьев, Н. В., История одной жизни. П., 1915 (первоначально в „Русск. Библиоф.“ 1915).

- ²² „Языковский архив“, вып. I. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1827). Под ред. Е. В. Петухова. СПб., 1913, стр. VIII—302.
- ²³ Стих. „Я помню был весел и шумен мой день“ было опубликовано в „Русской Беседе“ 1859, № 4.
- ²⁴ Буш, В. В., Альбом Кулибина.—„Руск. Библиоф.“ 1916, IV, стр. 79—82.
- ²⁵ Верховский, Ю. Н., Е. Баратынский. М., 1916, стр. 18.
- ²⁶ Шапошников, Б. В., Письма Е. М. Языковой о Пушкине.—„Искусство“ 1928, № 1—2, стр. 153—168.
- ²⁷ Языков, Н. М. Стихотворение памяти Рылеева. С примечаниями Н. В. Измайлова.—„Атеней“. Историко-литературный временник под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, кн. III, Л., 1926, стр. 11, 30—33.
- ²⁸ Модзалевский, Б. Л., Альбом Анны Евграфовны Шиповой, рожденной гр. Комаровской.—„Пушкин и его соврем.“, в. XI, СПб., 1909, стр. 79—84.
- ²⁹ Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века. Том I, 1800—1840. Составил В. Орлов Изд. „Academia“, 1931.
- ³⁰ Библиография писем Языкова сводится в основном к следующим материалам: Кулиш, П., Записки о жизни Гоголя. Т. II СПб., 1856, гл. XXII. Письма Языкова к Н. Н. Шереметьевой.—„Библи. Зап.“ 1858, № 20. Семеновский, М. И., Н. М. Языков. Новые стихотворения и письма.—„Русск. Архив“ 1867, № 7, стр. 712—748. Семеновский, М. И., Поездка в Тригорское.—„СПБ. Вед.“ 1866, №№ 139, 146, 157, 163, 168, 175. Шенрок, В. И., Письма М. Н. Языкова к Гоголю.—„Русск. Стар.“ 1896, № 12, стр. 617—647. Шенрок, В. И., Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу.—„Русск. Стар.“ 1903, № 3, стр. 529—539. Бычков, И. А., Из неизданных стихотворений и писем Н. М. Языкова.—„Русск. Стар.“ 1903, № 3, стр. 477—496 (письма к Очкину, Вульф, А. С. Пушкину). Сочинения А. С. Пушкина. Изд. Академии Наук. Переписка под ред. и с примеч. В. И. Сантова, т. I—III. СПб., 1906 (письма Языкова к Пушкину и Пушкина к Языкову). „Языковский архив“, вып. I. Письма Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829) под ред. и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова. СПб., 1913. Петров, В., Листування М. О. Максимовича та Н. М. Языкова.—„Литература“ 1928, № 1, стр. 131—144. Садовников, Д. Н., Письма Пушкина к Языкову.—„Ист. Вести.“ 1884, № 4, стр. 323—328. Письма Ден. Вас. Давыдова к А. и Н. М. Языковым.—„Русск. Стар.“ 1884, № 1. Письма А. С. Хомякова.—„Русск. Арх.“ 1884, № 35, стр. 202—210. Шенрок, В. И. и Гатдук, А. Л., Н. В. Гоголь в его неизданных письмах.—„Русск. Стар.“ 1889, № 1. Письма Н. В. Гоголя под ред. В. И. Шенрока, ч. I—IV. СПб., 1902. См. также Полное собрание соч. Н. В. Гоголя, изд. „Просвещение“ и др. изд. Сочинения Пушкина. Переписка. См. выше. Поляков, А. С., Н. М. Языков и Е. А. Баратынский.—„Литер.-Библи. Сборн.“ под ред. Л. К. Ильинского. II, 1918. Воейков, А. Ф., Два письма к поэту Языкову. Приготовил к печати Б. Л. Модзалевский.—„Литературные Портфели“. П., 1923 (письма А. Ф. Воейкова), стр. 63—69. Петухов, Е. В., Два письма Е. А. Баратынского к Н. М. Языкову.—„Истор.-литер. Сборник“. Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924, стр. 11—14. Письма И. В. Киреевского.—„Русск. Арх.“ 1907, № 2.
- ³¹ Приведем один отрывок из заграничных писем, чтобы наглядно охарактеризовать тот интерес, какой представляют некоторые из них для разных сторон истории литературы и общественного развития: „Гоголь получает отовсюду известия, что его сильно ругают русские помещики: вот яркое доказательство, что портреты его списаны им верно и что подлинники задеты за живое. Таков талант. Многие прежде Гоголя описывали житье-бытье русского дворянства, но никто не рассерживал его так сильно, как он. Жаль еще, что эти портреты писаны не во весь рост. Но ведь тогда не можно бы [вруб.] М. Д. [Мертвые Души]. Продолжение М. Д. должно быть важнее по части искусственной и творческой, чем эта первая часть“. Письмо к сестре из Рима от 1 декабря 1842 г.

³² См. „Константину Аксакову“

... Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь
Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно злословит
И ненавидит всей душой,

И кто неметчине лукавой
 Передался.—И вслед за ней,
 За госпожею величавой,
 Идет блистательный лакей...
 А православную царицу,
 А мать русских городов,
 Сменить на пышную блудницу
 На Вавилонскую готов!

Прежние комментаторы относили эти стихи к Герцену (например В. Я. Смирнов, стр. 229—230).

⁸³ Письма эти публикуются в настоящем номере „Литературного Наследства“.

⁸⁴ „Современник“ 1837, № 6; в выпуске XXIX—XXX „Пушкин и его современники“ Н. О. Лернер сообщил, что в случайно приобретенной им книжке „Современника“, чьей-то рукой вписаны недостающие стихи (отмечаем их разрядкой):

Певец единственной забавы,
 Певец вакхических картин
 И дерптских дев, и дерптских вин,
 И прозевит журнальной славы!
 Как тароватому царю
 За чин почетный благодарен
 Его не стоящий боярин,
 Так я тебя благодарю.